

Григорий Померанц Два вектора русской широты

Надо быть англосаксом, чтобы создать первую в мире конституционную монархию, до сих пор образцовую, – без конституции. Почти никто не решился последовать примеру законодательства из ряда отдельных актов, внутренняя связь которых улавливается интуитивно. Все прочие создают конституции, вносят в них поправки, пересматривают... В Англии не делают ни того, ни другого, потому что конституции нет, есть только конституционный дух. Уверенность, что целое сложится само собой, сказывается у англосаксов и в построении теории цивилизаций. Но здесь интуиция переходит в произвол, продиктованный посторонними (для теории цивилизаций) соображениями. С.Хантингтон, учитывая вес современной Японии, жалуется ей титул цивилизации (т.е. ставит на один уровень с Китаем). По другим соображениям (о которых ниже) он воскрешает в XXI веке православную цивилизацию. Для Хантингтона просто не существует определение Эмиля Дюркгейма: «группа стран, связанных общим милье (переведем условно: общим духом), которое каждая из них по-своему выражает». Хантингтон не опровергает этого определения, не показывает его ограниченности, он его просто игнорирует.

Между тем, приняв определение Дюркгейма как рабочее, хочется сказать, что один в поле не воин, что Япония – одна из стран Дальнего Востока, и именно его общие особенности она ярко, энергично выражает. Что касается православной цивилизации, то где сегодня общий дух, который по-своему выражает Греция, Грузия, Румыния и Россия? Он давно потерян. Византия не сумела связать окраины своего культурного круга общим языком богослужения. Как государство, она не сумела учиться на своих поражениях, она была слишком уверена в своем духовном превосходстве, ее совершенство стало хрупким, ломким и рухнуло в XV веке полностью. Иран, трижды покоренный, сумел создать такой престиж языку фарси, что в позднем средневековье фарси оттеснил арабский язык в богословие. Ничего этого Византия не сумела. Остались этнические греки, но они сами разучились создавать иконы, мозаики, фрески и не могли этому никого научить. Страны византийского культурного круга поодиночке примкнули к западному просвещению. Никакого общего духа, связывающего Грузию и Румынию, Грецию и Россию, нет.

Но одни сосуды лепят для славы, другие – для позора. Японию – для славы. А православную цивилизацию – чтобы найти академическую форму американской враждебности к Сербии и России, уходящей своими

истоками в холодную войну с Советским Союзом и его сателлитами. Есть потребность найти принцип, оправдывающий бомбардировку христианами христианского Белграда, умиротворяя мусульман Косова. Поэтому лучше забыть, что американцы и сербы принадлежат к одной, христианской цивилизации, развести их в две разные цивилизации – тогда бомбить не стыдно и не жалко. Благодарность за это американцы получили от Бен Ладена.

Если говорить серьезно, то первые очаги цивилизации действительно развивались сами по себе, в одиночку. Это было очень давно, когда только что сложилась письменность, у каждого очага своя. Письменность была сосудом, в котором прежде всего хранился опыт духовной глубины, не всем понятный, но всеми почитавшийся как святыня. В эту сокровищницу постепенно слагались и основы права, медицины, астрономии... Потом начался век империй, пытавшихся собрать культурное пространство мечом. Они быстро возникали и быстро рушились. Возникала некоторая общность, но без прочных опор. Между тем, появлялись города, где смешивались племена и народы, где выделялась обособленная личность, и к ней обращались пророки. Возникли, наконец, мировые религии, и правители увидели в них духовную связь, которой империи не хватало. С этих пор возникли и существуют до сих пор субглобальные, имперско-конфессиональные цивилизации. Они вышли за рамки империй и сохранялись, когда империи рушились: христианский мир, мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии, Дальний Восток.

У всех этих цивилизаций есть общие черты. Это цивилизации Книги, как говорят мусульмане, т.е. какого-то корпуса священных текстов. Но одновременно это светские информационные единства. Единство создает язык священной книги, известный грамотеям на огромном пространстве, и еще более широко известный шрифт священной книги. Шрифт дал дорогу оформлению новых языков, часто обгонявших священный язык в литературе, науке, администрации. Единый шрифт облегчал изучение чужих соседних языков одной цивилизации. По сей день латиница – граница Запада, арабские буквы – граница мира ислама, шрифты деванáгари и пали – граница индо-буддийского мира и, наконец, иероглифы китайского происхождения – граница Дальнего Востока.

На перекрестках субглобальных цивилизаций складывались культуры, испытывавшие сразу несколько влияний. Если эти влияния были устойчивыми, то в течение нескольких веков мог сложиться еще один очаг цивилизации. Такой была судьба Тибета. Он сочетал влияния Индии и Китая, во многом противоположные, в единое целое со всем набором признаков духовной самостоятельности: своеобразной редакцией

буддийской религии, сформулированной на тибетском языке со своим особым шрифтом, и своеобразную эстетическую и научную культуру. Эту культуру Тибет передал монголам и бурятам, но больше учеников не нашлось. Мир уже был поделен.

Совершенно иной была судьба России. В наименьшей группе стран вокруг России – варяги, хазары, Византия, домонгольская степь, монголы, мусульманская Орда и, наконец, – Европа Нового времени. Все они что-то внесли в русскую историю, и русская традиция – слоеный пирог, где один пласт наскоро накладывался на другой. Если бы они прочно спеклись, как в Тибете, возник бы очаг новой цивилизации. Но этого нет. Достоевский остро чувствовал опасность русской «широты», опасность развала. Один из его героев (в «Игроке») замечает, что русскому человеку, чтобы обрести приличную форму, нужна гениальность – а гениальность редко бывает. Гораздо вероятнее хаос.

Достоевский сводит в неразрывное, дрожащее от противоречий единство то, что в Европе аккуратно разложено по полочкам. Он впитал в себя Сервантеса и Кальдерона, Корнеля и Расина, Бальзака и Жорж Занд, Шекспира и Диккенса, Шиллера и Гете и даже замысел русской Божественной комедии, не удавшийся Гоголю, по-своему осуществил: в его романе сплелись герои ада, чистилища и рая, именно сплелись, а не расположены в схоластической системе, как у Данте. Это не архитектурное сооружение, твердо установленное на своем фундаменте, а волчок, кружащийся в бешеном темпе и поминутно готовый упасть. Неслучайно русская литература дала Европе увидеть себя как единое целое (об этом говорил Версилье в «Подростке» и Достоевский сам – в «Пушкинской речи»: его всемирная отзывчивость не заходит в Азию, это всеевропейская отзывчивость). И неслучайно с России началась цепь катастроф XX века.

Все это надо видеть, если мы любим Россию. Любовь тем и отличается от влюбленности, что она видит, что ее глаза не в повязке, что она познает любимое со всеми его противоречиями. «В России легче встретить святого, чем элементарно порядочного человека», – писал Константин Леонтьев. Василий Васильевич Рязанов обмолвился о себе: лужица грязи, в которой плавают золотые рыбки. И это не только о нем. Сегодня прибавилось грязи и может быть поменьше золотых рыбок, очень их вылавливали компетентные органы. Но схема та же. И у Хомякова:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Постыдной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна...

Что мешает нам убрать опушки лесов и улицы поселков от мусора? В.В.Путин не запрещает и даже Сталин не запрещал. Запрещает лень, мертвая и позорная. И что мешает перекрыть неправду «ризой чистой Христа», как мечтал Хомяков? Та же мертвая и позорная лень. Лень, унаследованная от рабства. Лень, которая исчезнет, когда очистится внутреннее пространство сознания и в нем заговорит стыд, и совесть перестанет ссылаться на соседа.

Русский медведь долго запрягает, но быстро едет, – сказал когда-то Бисмарк. Не слишком ли долго мы запрягаем? Не издохнут ли наши кони, пока мы меняем то хомут, то оглобли?

Если придет искра к возрождению, то только из глубины сильно развитой личности.